

БДУ на чале з Уладзімірам Іванавічам Пічэтай (разам з ім у рэальную справу ўключыліся Усевалад Макаравіч Ігнатоўскі, Фёдар Фёдаравіч Турук, Марыя Якаўлеўна Фрумкіна).

Калі 11 ліпеня 1921 г. было наладжана ўрачыстае пасяджэнне з нагоды «Торжественного открытия» універсітэта ў азнаменаванне «годовщины освобождения столицы Белоруссии от белополюских войск», калі затым 30 кастрычніка гэтага ж году зноў адбыўся ўжо «Торжественный акт открытия», але на гэты раз каб заявіць аб рэальным распачынанні лекцый, практычных ды лабараторных заняткаў, то больш ніхто з прадстаўнікоў і ўлад, і прафесуры не экспераментаваў з тэрміналагічным абазначэннем створанага «Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта»! [5, с. 20; 6]. Гэтая яго сутнасць і прызначэнне былі галоўнымі ў стагадовай плённай дзейнасці, яны абсалютна відавочны, абсалютна скіраваны на рэалізацыю і сёння.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Звезда. 1919. 1 марта.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Воп. 1. Спр. 131.
3. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1.
4. НАРБ. Ф. 6. Воп. 1. Спр. 6.
5. Вестник Наркомпроса ССРБ. 1921. № 1.
6. Звезда. 1921. 30 октября.

Янушевич Иван Иванович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БССР (1919–1941 гг.)

Начавшыся в 1917 г. процесс установления нового политического режима в России привел к кардинальным изменениям общественно-политической жизни. Государственное строительство Советской власти предполагало и решение церковного вопроса. Кроме лозунгов и программных заявлений какого-то плана действий у большевиков не было. Левозкстремистской крыло партии во главе с Л. Троцким предполагало реализовать стремительные меры, сводившиеся фактически лишь к физическому уничтожению духовенства, ликвидации домов культов и насаждению новой якобы большевистской морали. Именно подобные мероприятия к 1919 г. показали, что одним кавалеристским наскоком вопрос не решить. Власть нуждалась в поддержке населения. А верующих в стране было абсолютное большинство и с их мнением необходимо было если не считаться, то хотя бы не идти на откровенный конфликт. Руководство Советской России должно было найти пути выхода страны из жесточайшего экономического кризиса. Обострять церковный вопрос в подобной ситуации было не рационально, но и не осуществлять мероприятий по уменьшению потенциала своего явного идеологического противника партия большевиков не мола. Задача построения безрелигиозного общества была тесно увязаны с иными пунктами программных установок по построению «светлого будущего» и созданию «нового человека». На территории Беларуси вопрос с

одной стороны осложнялся наличием культов имеющих свои духовные и административные центры зарубежом, с другой, именно многоконфессиональность антирелигиозниками будет использована для внедрения в массы материалистического мировоззрения, насаждения воинствующего атеизма, в том числе путем максимального ограничения деятельности отдельных культов.

В силу того, что бороться одновременно со всеми религиозными организациями большевики не имели возможности, главным их политическим противником стала Русская православная церковь (РПЦ), как сильный идеологический оппонент, резко выступавший против насильственных действий, представлявший мощную оппозиционную силу, располагающую громадным экономическим потенциалом. В белорусских губерниях до Первой мировой войны действовали 2693 православных церкви, 21 мужской и 14 женских монастырей, около 2000 церковноприходских школ, 3 духовные семинарии. Православная церковь имела до революции статус государственной [1, с. 87]. Церковь была глубоко инкорпорирована в систему государственного управления. Решаемые ею задачи по духовно-нравственному воспитанию и социальному служению большевики намеревались передать иным институтам. Церковь, а с точки зрения нового законодательства о свободе совести, священнослужители должны были удовлетворять исключительно религиозные потребности верующих. Никакой иной роли Советская власть им позволить не могла.

Процессы государственного строительства шли чрезвычайно напряженно. Внешняя военная угроза, наличие центробежных тенденций в советских республиках, низкий уровень поддержки населения вынуждали большевиков в церковном вопросе разработать более изощренную тактику по уничтожению Церкви. Все действия должны были соотноситься с «политическим моментом». В целом антирелигиозники пошли по пути минимизации идеологического и экономического потенциала Церкви, а также разрушения ее административно-управленческой структуры.

Политика государственных органов была направлена на максимальное ограничение возможностей культов по организации религиозного воспитания и просвещения. Вся деятельность священнослужителей должна была ограничиваться проведением богослужений и исполнением треб. Узаконивалась «свобода религиозных исповеданий» и возможность проведения антирелигиозной пропаганды. Вера в Бога трактовалась как пережиток прошлого и «сплошная контрреволюция». На государственном уровне была создана специализированная организация по насаждению безбожия и осмеянию любого не материалистического мировоззрения. Компартия, комсомол, профсоюзы и все иные государственные и общественные организации обязывались вести антирелигиозную пропаганду. Подобные мероприятия носили исключительно кампанейский характер, зачастую принося делу распространения атеизма в массах значительный вред. «Разоблачение культа мощей», комсомольские «Рождество» и «Пасха», пасквили в «Безбожнике» и так далее население категорически не поддерживало. Организовать системное атеистическое обучение в межвоенный период не удалось. На место традиционных конфессий и религиозных учений приходили окултно-мистические,

разрушающие духовно-нравственные основы уже во многом нового советского человека. Приверженцы подобных доктрин категорически не поддерживали мероприятия Советской власти во всех сферах. Органы массово фиксировали подобные настроения и даже допускали возможность нормализации деятельности отдельных приходов той же РПЦ для борьбы с аномальными явлениями среди населения. Стоит отметить, что сформированная на государственном уровне система антирелигиозной пропаганды, показала по сравнению с грандиозными планами построения в течение 10–20 лет безрелигиозного общества полную свою несостоятельность. В ходе переписи населения 1937 г. около 60 % граждан записались верующими. Это при угрозе всевозможных крайне жестких репрессивных санкций со стороны властей. Все имеющие хоть какое-то отношение к государственной системе люди были лишены возможности свободно обозначить свое отношение к религии. В случае получения аномально высоких процентов «верующих» проводились мероприятия по их «выравниванию» в нужном направлении.

Деятельность Союза воинствующих безбожников является еще одним свидетельством нерациональности избранной модели распространения материалистического мировоззрения. Если проанализировать только лишь динамику численности организации во всесоюзном масштабе, то становится все понятно о ее реальной деятельности и серьезности намерений. В период до 1929 г. данные внушают определенное доверие, но дальше начинается простая бухгалтерия. Цифра 465 498 за март 1929 г. [2, л. 12] является в отчетности последней не заканчивающейся пятью нолями. Уже в июне того же года лидер безбожников Ем. Ярославский неожиданно заявил о наличии целого миллиона членов организации [3, с. 87]. Не опровергнутая никем цифра в рамках «года решительного перелома» привела руководство СВБ к мысли о необходимости соответствовать динамике социалистических преобразований, а возможно и опережать их. В 1930 г. численность была удвоена [2, л. 12]. В 1931 динамика роста была еще более «убедительной»: 01.01.1931 – 3,5 млн. [2, л. 12]; март 1931 г. – 4 млн. [3, с. 126]; 01.06. 1931 – 5 млн. [2, л. 12]. В делах ЦС СВБ СССР имеется и цифра 8 млн. за 1932 г. [2, л. 12]. В БССР также имел место рост и на 300 %, и статистические данные противоречащие сведениям в центральном союзном органе. К середине 1930-х гг. в БССР, как и в СССР в целом, СВБ практически прекратил свою деятельность. В 1937 г. начинается процесс возрождения. Новый призыв к 1939 г. дал 60 206 членов, а к 1940 г. около 103 000 членов в 3050 первичках [5, л. 50; 26, л. 18]. Точность подобных цифр вызывает определенное сомнение. С одной стороны, имелись случаи не учета имеющихся членов [5, л. 47-49], с другой как, например, в Кричеве из 28 ячеек СВБ организационно не было оформлено ни одной [5, л. 12]. Все же 100 тыс. из 9 млн. населения показатель крайне низкий.

Руководство большевистской партии понимали важность материальных ресурсов в обеспечении жизнедеятельности любой организации. Религия и церковь в их представлении были какими-то аморфными явлениями, «идеологической надстройкой», не имеющей под собой необходимого запаса прочности. В.И. Ленин, возможно по аналогии ситуации с политическими партиями, полагал, что церковь, в частности, Православная, рухнет, как только отнять у нее экономический базис.

Уничтожение экономического потенциала РПЦ началось уже 26 октября 1917 г., когда Декретом «О земле» Церковь лишалась всех «монастырских, церковных угодий со всем их живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями» [6, с. 13]. Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» вводил максимальное ограничение деятельности церкви и религиозных общин. Пункт 12 Декрета гласил: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют», а пункт 13: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием» [6, с. 30]. Конфискации подлежали ценные вещи не непосредственно не предназначенные для богослужения. Были закрыты банковские счета религиозных ассоциаций. Следующими этапами отъема материальных ценностей было установление советской власти летом 1920-го г. и во время грабежа Церкви в период голода в Поволжье. Под предлогом организации помощи голодающим в первой половине 1922 г. было проведено практически полное ограбление храмов.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» практически полностью лишалась возможности организовывать свою хозяйственную деятельность [6, с. 83-97]. Духовенство было поставлено в прямую зависимость от приношений верующих в условиях катастрофического ухудшения экономического положения граждан, «раскулачивания» и изоляции «контрреволюционных» элементов. Религиозные организации не имели права организовывать центральные кассы для сбора добровольных пожертвований, устанавливать обязательные сборы и заключать контрактные соглашения. Запрещалась всякая благотворительная деятельность, даже по отношению к священнослужителям и их семьям. Договоры по ремонту могли заключать только выборные общин как частные лица, а поэтому подобные сделки как коммерческие облагались непомерными налогами. Начавшаяся в 1929 г. борьба с частными предприятиями, к которым были отнесены священнослужители и приходы как «доходные места», привела к непомерному росту различного рода налогов и займов. Довершало процесс грабежа Церкви изъятие колоколов.

Задача ликвидации организационно-управленческой структуры РПЦ в БССР в исследуемый период была практически выполнена. Духовенство, в том числе и не предпринимавшее абсолютно никакого сопротивления мероприятиям властей в основном оказалось уничтожено. Деятельность по ликвидации наиболее видных, авторитетных представителей духовенства, руководства с целью обезглавить церковное движение в 1920-е гг. закончилась тотальной зачисткой в 1930-е гг. Большевикам удалось расчленив РПЦ на несколько, в определенный момент ожесточенно враждующих частей. Крайне левый вариант раскола – проект ГПУ – обновленчество компрометировал саму идею православия, был фактически направлен исключительно на разрушение Церкви, уничтожение основ православной веры. По мере укрепления большевицкой власти ужесточалось антицерковное законодательство. Духовенство было отстранено от организации приходской жизни. Усложняющаяся процедура перерегистрации общин с начала 1930-х гг. перешла в сплошную полосу их

ликвидации.

Резкая антиправославная большевиков способствовала временному облегчению деятельности Римско-католической церкви (РКЦ). Общее количество верующих католиков, проживающих на территории Беларуси, составляло около 2,5 млн. человек. В 1917 г. была произведена реорганизация епархиальной структуры Могилевского архидиоцеза, в состав которого были включены 6 епархий: Могилевская, Минская, Луцко-Житомирская, Каменец-Подольская, Ковенская и Саратовская. В 1917 г. была возобновлена деятельность Минского диоцеза [7, с. 28]. Папа назначил ее бискупом ксендза З. Лозинского. В 1917 г. в 456 парафиях с 157 филиалами и 162 капличами служили 917 ксендзов. 1 октября 1918 г. в Минске была открыта Католическая духовная семинария. После подписания Рижского мирного договора в границах бывшей Минского диоцеза осталось 7 деканатов, 55 парафий, около 160 тыс. верующих и 14 священников [7, с.31].

Весной-летом 1922 г. взаимоотношения Советской власти с Римско-католической церковью значительно обострились в связи с проведением кампании по ограблению храмов и направлением Папой меморандума Генуэзской конференции. Папский Престол предложил участникам конференции заключить с Россией соглашение о том, что она дает гарантии полной свободы совести всех граждан, возможности свободного отправления религиозных культов и обрядов, возврата религиозным общинам движимого имущества. В ответ большевиками митрополит могилевский Я. Цепляк и настоятеля костела св. Екатерины в Петрограде К. Буткевич были приговорены к высшей мере наказания. Постановлением ВЦИК 29 марта 1923 г. смертный приговор Цепляку был заменен на 10 лет тюрьмы, а затем и на высылку из пределов СССР. К. Буткевич 31 марта был расстрелян.

С середины 1920-х гг. внимание властей к РКЦ значительно усиливается. Судебный процесс над Я. Цепляком, его высылка из СССР в некоторой степени ослабили жесткое противостояние Москвы и Ватикана. В сотрудничестве были заинтересованы обе стороны. Папа изъявил готовность идти на некоторые уступки в вопросе деятельности РКЦ в СССР. Многие приходы, ранее отказывавшиеся от государственной регистрации, начали ее проходить. В то же время Католическая церковь и в условиях советской власти не оставляла попыток расширения зоны своего влияния. В 1923 г. Патриарх Тихон отмечал, что, пользуясь происходящей в Православной церкви неурядицей, папа всяческими путями стремится насаждать в СССР католицизм. В целом репрессии против католических священнослужителей были значительно менее жестокими, чем гонения на православное духовенство. Если представителей последнего подвергали расстрелам, арестам и ссылкам, то католических клириков чаще всего лишь высылали из СССР (так, в 1925 г. в заключении находилось всего 8 священников-католиков). Предпринимаемые советским руководством меры по борьбе с РКЦ, особенно после с 1927 г. дали свои результаты. К концу 1920-х гг. деятельность Костела на территории СССР была практически полностью загнана в подполье [8, с. 78]. В западных регионах, располагавших значительным социальным потенциалом, власти еще не решались на проведение огульных закрытий храмов. В БССР на начало 1929 г.

действовало 111 католических храмов [1, с. 45] однако к концу 1930-х гг. деятельность римско-католических организаций была свернута.

Закрывая большевиками церкви и костелы, аресты, высылки, преследования священнослужителей вызывали отток верующих в протестантские общины. Последние смогли найти более оптимальные чем традиционные конфессии формы работы с верующими и государственными органами власти. Немаловажную роль при этом в условиях глубокого экономического кризиса играла и финансовая помощь из-за границы, которую власти не могли полностью перекрыть. Массовое распространение протестантизм получил только с установлением Советской власти. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. подрывал экономический базис традиционных конфессий и, по мнению протестантов, полностью удовлетворял их требованиям: «Свершилось поистине историческое событие: некогда «презренные сектанты» - баптисты оказались на равных условиях с некогда привилегированной православной церковью» [9, с. 38]. В. И. Ленин и некоторые иные руководители партии видели в сектантстве, как в то время называли и протестантские течения, тактического союзника в борьбе с традиционными вероисповеданиями. Вождь революции отношение к религии определял в подчинении ее практическим лозунгам, которые выдвигало политическое руководство. 4 января 1919 г. был издан декрет СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», в котором законодательно была установлена возможность прохождения альтернативной воинской службы или же полное освобождение от ее [10, с. 14].

До 1925 г. сектанты практически не преследовались, а до 1927 г. они свободно проводили съезды, конференции, организовывали миссионерскую и издательскую деятельность. По официальным данным в 1926 г. в БССР действовали 49 сектантских общин, в 1930 г. – 89. К середине 1920-х гг. у политического руководства страны окончательно сформировались взгляды о несостоятельности мнения о сектантах как о чем-то цельном и революционном. Несоответствие провозглашаемых сектантами лозунгов реальным антиправительственным действиям, противоречия между религиозной доктриной и государственной идеологией дали повод компетентным органам для начала репрессивных действий. 1926 г. стал поворотным во взаимоотношениях властей и сектантских организаций. Совещание при Агитпропе ЦК ВКП(б) констатировало, что в «количественном отношении целый ряд сект являются массовыми организациями, насчитывающих в своих рядах миллионы членов» и «сектантство представляет собой мелкобуржуазное, главным образом крестьянское движение, и большим влиянием в нем пользуются буржуазно-кулацкие элементы» [10, с. 50; 11. л. 87]. Однако деятельность протестантских общин было практически невозможно контролировать. Дальнейшее административное давление на сектантов привело к тому, что большая их часть стала дробиться и действовать нелегально.

Анализ антирелигиозной деятельности большевиков показал, что в период до Великой Отечественной войны в агитационно-пропагандистской области она сводилась к следующему: максимальное ограничение пропагандистских возможностей религиозных организаций; создание

партийно-государственных антирелигиозных структур и обеспечение их деятельности; формирование идеологических установок в антирелигиозной сфере и распространение атеизма. Разрушения административно-управленческой структуры РПЦ главным образом сводилось к мероприятиям по: уничтожению духовенства и активных прихожан; разрушению системы управления Церковью; созданию невыносимых условий функционирования религиозных общин. Давление в экономической сфере сводилось к следующим основным направлениям: отъем собственности; законодательное ограничение хозяйственной деятельности, создание неблагоприятных условий для функционирования церковно-приходских советов; ущемление священнослужителей в семейно-бытовой сфере.

Библиографические ссылки

1. Навіцкі, У. І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20-30-я гг. XX-га ст. // Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – С. 155-243.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 89. – Оп. 4. – Д. 26.
3. Алексеев, В. А. Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 3621.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5263. – Оп. 1. – Д. 32.
6. Законодательство о религиозных культах: сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – 335 с.
7. Кандрусевіч, Т. Каталіцкая царква ў кантэксце рэлігійнай сітуацыі ў Беларусі / Т. Кандрусевіч // Беларуская думка. – 2009. – № 5. – С. 28-31.
8. Міхалік, Л. Лёсы каталіцкага духавенства ў першай палове XX стагоддзя на тэрыторыі Беларусі / Л. Міхалік // Няхай сведчанне іх веры не забудзецца. Лёс каталіцкага касцёла на Беларусі ў 1917–1953 гг. – Непакалянаў: 2000.
9. Савинский С. Военный вопрос в евангельско-баптистском братстве в первые годы советской власти / С. Савинский // Религия и право. - 1998. - № 1-2.
10. Митрохин, Л.Н. Баптизм: история и современность/ Л.Н. Митрохин. – СПб.: 1997. – 327 с.
11. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 60. – Д. 793.
12. РГАСПИ. – Ф. 89. – Оп. 4. – Д. 125.